

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»
и общественно-
политическая
борьба
в РОССИИ

Издательство
«Дружба»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

ГРУППА
<ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА>
и общественно-
политическая
борьба
в РОССИИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

Дом Плеханова

№ 3486



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1984

Группа «Освобождение труда»
в освещении современной
англо-американской
и западногерманской историографии

Переход от народничества к марксизму и ранний этап социал-демократического движения в России уже достаточно давно привлекали к себе внимание зарубежных исследователей. И этот интерес вполне понятен, ибо история группы «Освобождение труда», идейные искания ее членов, их сложные жизненные судьбы, взаимоотношения с К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным в конечном счете имеют выход на такие кардинальные проблемы, как пути распространения и развития марксистского учения, соотношение общего и национально-особенного в мировом революционно-освободительном движении, международное значение ленинизма и опыта КПСС — первой марксистской пролетарской партии, под руководством которой был построен в СССР реальный социализм. Связь этих интереснейших и крайне актуальных сюжетов хорошо осознается ныне не только советскими обществоведами, но и по другую сторону идеологического фронта. Наши идейные противники прекрасно понимают, что факты столетней давности, относящиеся к истории революционного движения в России, продолжают активно работать на современность, оказывая влияние на формирование мировоззрения все новых и новых поколений людей. И чем острее идейная борьба в современном мире, чем жарче споры о различных «моделях» социализма, тем обширнее, разнообразнее, богаче оттенками становится буржуазная и социал-реформистская литература по истории марксизма-ленинизма и КПСС.

Современная буржуазная историография группы «Освобождение труда» сложилась в основном на протяжении двух последних десятилетий и, как в зеркале, отражает основные тенденции развития буржуазной историографии в целом. Знакомство с англо-американской и западногерманской литературой по интересующему нас вопросу, вышедшей в свет в 60-х—начале 80-х годов, достаточно отчетливо позволяет проследить, в частности, смену периодов конфронтации и разрядки в международных отношениях,

а также рост противоречий между самими капиталистическими странами, отзвуком которых является ныне более критический, чем прежде, подход многих западноевропейских и японских историков к концепциям их американских коллег. Развитие буржуазной русистики и советологии рельефно отразило те позитивные сдвиги, которые принесла с собой разрядка международной напряженности в конце 60-х—первой половине 70-х годов (расширение научных контактов, более трезвый подход части буржуазных ученых к работам своих коллег из стран социализма, стремление к более глубокому и объективному освещению исторического прошлого нашей страны). В рамках буржуазной историографии заметно усилились процессы внутренней дифференциации, вышла на поверхность борьба различных идейных направлений и национальных школ, заметно колебалась идейная гегемония американской советологии, которая установилась в капиталистических странах после второй мировой войны. Вместе с тем совершенно очевидно, что новые, реалистические тенденции встречают упорное сопротивление со стороны тех кругов буржуазных историков, которые сознательно занимаются фальсификацией истории России и СССР и по-прежнему сохраняют сильные, а во многих случаях и доминирующие позиции в современной буржуазной исторической науке.

Советские историки уже не раз обращались к критическому анализу интерпретации раннего периода истории российского социал-демократического движения в буржуазной историографии¹. В настоящей статье сделана попытка, по возможности не повторяя предшествующие историографические обзоры, рассмотреть основные концепционные положения работ, вышедших в свет за последние 20 лет в США, Англии и ФРГ (поскольку именно ученые этих стран внесли наиболее весомый вклад в современную буржуазную историографию группы «Освобождение труда») и отразивших возникновение и деятельность первой организации российских марксистов.

Если попытаться выделить основные структурные элементы современной буржуазной историографии группы «Освобождение труда», то следует назвать несколько основных типов обобщающих и монографических исследований, в которых рассматриваются отдельные аспекты данной проблемы или вся история группы в целом: 1) общие курсы истории России и СССР²; 2) работы по истории марксизма-ленинизма³; 3) исследования по истории рабочего и социал-демократического движения в России на рубеже

XIX и XX в.⁴; 4) биографии первых российских марксистов⁵; 5) специальные работы по истории группы «Освобождение труда»⁶.

Не менее разнообразны и идейно-политические позиции авторов, которые пишут на интересующую нас тему: здесь и откровенные фальсификаторы, прямо связанные с соответствующими спецслужбами США и других капиталистических стран, и историки либерально-объективистского толка, и представители социал-реформистского направления, и исследователи, испытавшие на себе влияние марксистской идеологии.

Для современной буржуазной историографии характерны ярко выраженный концепционный плюрализм, острая борьба различных идейных направлений. Не нужно доказывать, что подобная историографическая ситуация одновременно и усложняет, и облегчает задачу советских историков. С одной стороны, сейчас, как никогда раньше, требуется строго дифференцированный подход к представителям различных школ буржуазной исторической науки и использование самых разнообразных средств и приемов идейной борьбы, с другой, — мы уже можем опираться в этой борьбе на исследования прогрессивных зарубежных историков, которые активно и аргументированно, с позиций подлинной науки полемизируют со своими коллегами, фальсифицирующими историю нашей страны.

Говоря о буржуазной историографии группы «Освобождение труда», хотелось бы прежде всего остановиться на работах более общего характера. При этом следует особо выделить работы биографического жанра, которые всегда пользовались особой популярностью у читателей. Еще в 1955 г. американский историк Л. Хеймсон, ставший ныне одним из ведущих специалистов США по русской истории, выдвинул тезис о том, что Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов и В. И. Ленин представляют собой четыре ключевые фигуры, которые олицетворяют две различные интерпретации марксистской доктрины и российской действительности, лежащие в основе большевизма и меньшевизма⁷. С тех пор появилось несколько крупных работ, написанных в модном на Западе жанре «интеллектуальной биографии» и имеющих первостепенное значение для анализа интересующей нас проблемы. Оставляя в данном случае в стороне работы западных историков о В. И. Ленине (они заслуживают особого рассмотрения), остановимся здесь на биографиях членов группы «Освобождение труда», которые привлекают буржуазных историков не только как

незаурядные, яркие во многих отношениях личности, но прежде всего как люди, ставшие со временем идейными противниками Ленина, большевизма и «отлученные» в этом качестве в СССР от «официальной» коммунистической идеологии.

В 1963 и 1966 гг. в США двумя изданиями вышла книга С. Бэрона «Плеханов. Отец русского марксизма», почти половина которой посвящена периоду существования группы «Освобождение труда»⁸. Работа американского автора уже неоднократно была предметом специального аналитического разбора в советской историографии⁹, что существенно облегчает нашу задачу. Барон начинает с признания: «Немногие исторические события оказали такое большое воздействие на мир, как большевистская революция»¹⁰. Для понимания истоков этого феномена он предлагает, в частности, обратиться к Плеханову, почти в одиночку «запустившему» движение, которому суждено было кульминировать в Октябрьской революции 1917 г. Барон очень высоко оценивает Плеханова, справедливо характеризует его как «доминирующую фигуру» в группе «Освобождение труда» и подчеркивает, что в качестве учеников «отца русского марксизма» начинали свой путь в революцию почти все будущие лидеры РСДРП. Барон признает заслуги Плеханова в выработке программы российской социал-демократии и защите ортодоксального марксизма как в России, так и на международной арене, называет его одним из наиболее способных учеников К. Маркса, культурнейшим человеком своего времени¹¹. Однако, отдавая должное Плеханову, Барон видит в его трагической личной судьбе лишь символ крушения всего ортодоксального марксизма, который, по его мнению, не победил ни на Западе, ни в России, уступив место социал-реформизму, с одной стороны, и большевизму, — с другой¹². Таким образом, монография Бэрона имеет четко выраженную антикоммунистическую направленность.

В 1972 г. в США появилась книга профессора истории Бруклинского колледжа А. Эшера о «главном идеологе и тактике меньшевистской партии», члене группы «Освобождение труда» П. Б. Аксельроде. Эта работа также носит ярко выраженный апологетический характер и глубоко враждебна по своей концепции ленинизму и большевизму. От начала до конца она построена на противопоставлении политического кредо Аксельрода, якобы делавшего ставку на сознательность и самостоятельность рабочих масс, ленинскому «бланкизму»¹³.

В книге Эшера большое место уделяется личным и политическим взаимоотношениям Аксельрода и Плеханова. Если в 70-е годы XIX в., пишет Эшер, Аксельрод дал определенный импульс развитию Плеханова как революционера, то в период деятельности группы «Освобождение труда» уже, наоборот, Плеханов в течение многих лет вел за собой своего друга, подсказывал ему некоторые важные отправные идеи и всячески стимулировал его литературную деятельность. При этом Плеханов явно превосходил Аксельрода оригинальностью и смелостью политического мышления, решительностью и бескомпромиссностью своей позиции¹⁴. Не случайно Аксельрод обнаружил свое подлинное политическое лицо не во время совместной работы с Плехановым, а позже, на меньшевистском этапе, когда их пути стали постепенно расходиться, а затем и совсем разошлись в период ликвидаторства и первой мировой войны¹⁵.

В серию биографических работ о членах группы «Освобождение труда» входит и книга западногерманского историка В. Гайерхоса «Вера Засулич и русское революционное движение», уже получившая положительную оценку советских специалистов¹⁶. Автор не скрывает своего восхищения В. И. Засулич — этим «кристально чистым человеком»¹⁷, как, по воспоминаниям Н. К. Крупской, называл ее В. И. Ленин (кстати говоря, эти слова вынесены в эпиграф книги). И хотя Гайерхос допускает известные преувеличения, выдвигая свою героиню на роль центральной фигуры русского революционного движения 70-х годов XIX в., в целом он довольно объективно оценивает незаурядную личность Засулич. Основное внимание в работе западногерманского историка закономерно уделено периоду 70-х — начала 80-х годов XIX в., когда энергия и революционное подвижничество Засулич дали наибольшие результаты и оказали влияние на демократическую молодежь в России. Тем не менее очень характерно, что Гайерхос расценивает «искровский» период в биографии Засулич как «высший пункт ее служения революции»¹⁸. Он подчеркивает, что Засулич пришла к марксизму более сложными путями, чем, например, Плеханов: она дольше сохраняла контакты с народолюбцами, активно выступала за объединение народнических сил после 1 марта 1881 г., пыталась спасти народническую доктрину, обращаясь к авторитету К. Маркса¹⁹.

Позже, в 1883—1903 гг., Засулич много сделала для пропаганды марксистского учения в России²⁰, хотя и заметно уступала в этом отношении Плеханову. Не обладая

присущей последнему бескомпромиссностью и страстностью, Засулич вместе с тем отличалась очень трезвым политическим мышлением, хорошо видела слабые стороны в деятельности группы «Освобождение труда» (узость состава, слабость связей с рабочим движением внутри России, недостаточное внимание к выпуску популярной литературы) и лично Плеханова, не раз откровенно указывала ему на отдельные промахи, отсутствие должного такта в обращении с товарищами по революционной борьбе и т. д. В работе Гайерхоса использован широкий круг источников, в том числе и материалы архивов СССР, а также результаты исследований советских историков.

Специального внимания заслуживает и появившаяся несколько лет назад в переводе на основные европейские языки фундаментальная «История марксизма». Этот обобщающий труд, первый том которого вышел в 1979 г. в итальянском издательстве «Эйнауди», подготовлен большой группой историков разных стран под руководством видного английского специалиста в области истории рабочего класса и рабочего движения Э. Дж. Хобсбома. Здесь представлены ученые самых разных направлений, включая еврокоммунизм и социал-реформизм. Автором специального раздела о Плеханове как наиболее крупном представителе марксистской мысли в России до Ленина является американский историк И. Гетцлер. Его статья имеет броское и многозначительное название «Георгий В. Плеханов: проклятие ортодоксии»²¹. Признавая крупные заслуги Плеханова в распространении и популяризации марксистских идей в России, Гетцлер тем не менее приходит к выводу, что его окостеневшая политическая концепция оказалась «теоретически малозначащей» и в 1905, и в 1917 г. и стала символом краха плехановской идеи «европеизации» России и его стремления предотвратить «незрелую», преждевременную социалистическую революцию. «Слепая» приверженность Плеханова марксизму оказалась для него, по мнению Гетцлера, своеобразным «проклятием». При этом автор не видит принципиальной разницы между защитой Плехановым революционного марксизма от ревизионистов типа Бернштейна и меньшевистским догматизмом Плеханова, ставшим практически одной из форм оппортунизма и действительно помешавшим ему осмыслить такие новые явления, как революционные возможности российского крестьянства или возникновение в 1905 г. Советов рабочих депутатов.

Особняком стоит в современной буржуазной историографии по существу единственная специальная работа о группе

«Освобождение труда», написанная западногерманским историком Т. Цимке²². Его капитальную (около 600 с.) монографию «Марксизм и народничество: возникновение и деятельность группы „Освобождение труда“» отличает прежде всего солидная источниковая база и прекрасное, вплоть до мельчайших подробностей, знание не только западной, но и советской литературы по данной проблеме. Чувствуется также несомненная симпатия Цимке к личности молодого Плеханова, глубокое уважение к его благородной, подвижнической деятельности в 70—80-х годах прошлого века, признание больших, непреходящих заслуг группы «Освобождение труда» перед революционным движением России.

В ряде случаев Цимке прямо солидаризируется с выводами советских историков и вступает в открытую полемику с такими буржуазными авторами, как С. Бэрн, Р. Пайпс и др. Так, уже во введении к своей монографии он бросает открытый вызов Бэрону, называя многие его оценки односторонними и ошибочными²³ и неоднократно указывая по ходу изложения материала на фактические неточности, допущенные американским историком. Оспаривает Цимке и ту периодизацию советского плехановедения, которую предложил Бэрн, считающий, что 30-е — первая половина 50-х годов якобы прошли в СССР под знаком полного забвения деятельности Плеханова. По справедливому мнению Цимке, и в это время в советской общественно-политической литературе были позитивные оценки марксистских работ Плеханова и группы «Освобождение труда»²⁴.

Цимке критикует также Бэрона за злоупотребление термином «русский марксизм»²⁵, в котором буржуазные авторы, в том числе и Бэрн, видят попытку перенести марксизм в условия «отсталого общества», соединить теорию Маркса с народничеством и т. д., т. е. рассматривают его не как применение общих принципов марксизма к анализу российской действительности и дальнейшее их творческое развитие в эпоху империализма, а как «ревизию» учения Маркса — Энгельса²⁶. Не согласен Цимке и с тезисом Р. Пайпса о «мирном сосуществовании» марксизма с народничеством в 80-х—начале 90-х годов XIX в.²⁷ Все это свидетельствует о том, что Цимке не просто лучше, чем многие его западные коллеги, знает факты русской истории, но и стоит на более правильных методологических позициях.

В центре книги Цимке, как пишет об этом сам автор, находится идейный спор марксистов с народниками, возникновение и деятельность группы «Освобождение труда».

Он подробно анализирует состояние народнического движения вплоть до начала 90-х годов XIX в., детально рассматривает проблему русской общины, отношение народников к политической борьбе. За общими процессами и тенденциями развития он не упускает из вида и судьбы отдельных членов будущей группы «Освобождение труда», показывает специфику разрыва Плеханова, Аксельрода, Засулич с народническим прошлым, уделяет большое внимание их взаимоотношениям с Марксом и Энгельсом.

В то же время Цимке детально разбирает первые марксистские работы Плеханова и программу группы «Освобождение труда». Одну из главных заслуг Плеханова Цимке видит в том, что он нашел новый субъект российского революционного движения — пролетариат, новую революционную идеологию — марксизм и конкретизировал мысли Маркса и Энгельса об особой роли рабочего класса в буржуазной революции²⁸.

Цимке признает, что в «теории гегемонии», разработанной Плехановым, было много неясного и противоречивого. Тем не менее, пишет он, уже сама постановка этого вопроса имела огромное значение и для рабочего движения в России, и для марксистской теории в целом, которую Плеханов творчески применил к условиям своей родины²⁹. Не закрывая глаза на слабые места во взглядах Плеханова-марксиста (недооценка роли крестьянства, непоследовательность в отношении к террору и т. д.), Цимке тем не менее подчеркивает, что Готская программа германской социал-демократии, наиболее близкая по времени к программе группы «Освобождение труда», гораздо больше отклонялась от ортодоксального марксизма, чем документ, выработанный Плехановым и его товарищами³⁰. И хотя в некоторых пунктах Цимке отдает дань стереотипам буржуазной историографии (так, он считает, что Россия в 1917 г. не созрела для социалистической революции «в смысле Маркса», не видит принципиальной разницы в отношении Ленина и «легальных марксистов» к критике народничества и т. д.)³¹, в целом его подход к проблеме распространения марксизма в России заслуживает одобрения и поддержки.

Отмеченная выше противоречивость современной историографической ситуации на Западе не только наглядно проявляется в общих концепциях, которые предлагают сегодня своим читателям буржуазные историки, но и конкретно прослеживается в интерпретации отдельных вопросов, входящих в проблематику истории группы «Освобождение труда». Разумеется, в рамках одной статьи невозможно в равной

мере осветить все эти вопросы, и мы вынуждены поэтому ограничиться здесь рассмотрением лишь некоторых, особенно важных из них.

Немало внутренних противоречий и оттенков можно обнаружить, в частности, в трактовке буржуазными историками такой важной проблемы, как переход от народничества к марксизму. Здесь перед исследователем сразу же встает множество вопросов о внутренних и внешних факторах этого процесса, его сроках, индивидуальных особенностях разрыва с народническим прошлым у различных членов группы «Освобождение труда» и т. д.

Большинство буржуазных историков явно абсолютизирует момент подражания первых российских марксистов западным образцам, делает акцент на «импорте», заимствовании, механическом перенесении марксизма в Россию, сознательно преуменьшая значение той трудной, порой мучительной самостоятельной идейной работы, которая была проделана в 60—80-х годах XIX в. лучшими представителями социалистической мысли нашей страны. При этом делается все возможное, чтобы сгустить краски и лишить марксизм всякой реальной почвы в России, где, по словам махрового антикоммуниста Л. Шапиро, был «детский уровень развития капитализма», отсутствовала политическая свобода, а крестьяне думали только о приумножении своей собственности³².

Не случайно представители правого крыла буржуазной историографии не хотят замечать ни сравнительно быстрого развития капитализма в пореформенной России, ни активизации рабочего движения в 70-х годах XIX в., ни появления первых пролетарских организаций, которые идейно тяготели уже не к народничеству, а к международному социал-демократическому движению.

В буржуазной историографии до сих пор идут споры о том, когда началась и когда закончилась идейная эволюция Плеханова от народничества к марксизму. Л. Шапиро завершает этот процесс в основном уже в 1880 г., когда Плеханов эмигрировал в Западную Европу³³. С. Бэрон предлагает более обтекаемую, хотя и неверную по существу точку зрения, согласно которой уже в конце 1878 г. взгляды Плеханова были марксистско-материалистическими по форме, но бакунистско-народническими по содержанию³⁴. Ко времени отъезда Плеханова из России в январе 1880 г. они представляли собой смесь народничества с марксизмом (под марксизмом Бэрон понимает в данном случае экономический материализм), а в 1882 г., ко времени написания

предисловия к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», Плеханов уже был законченным («полным») марксистом³⁵.

Т. Цимке, наоборот, решительно возражает против любых попыток так или иначе «подтянуть» взгляды Плеханова-народника к марксизму, полемизируя по этому вопросу с некоторыми историками 20-х годов в СССР (Д. Б. Рязанов, В. Ваганян, С. Я. Вольфсон, И. А. Теодорович), а также с С. Бэроном и Л. Шаширо³⁶. В частности, Цимке справедливо рассматривает чернопередельчество как течение внутри народничества³⁷. Как и В. Гайерхос, он отмечает, что эволюция Аксельрода, Дейча, Засулич к марксизму была гораздо сложнее и мучительнее, чем у Плеханова, и они значительно отставали от последнего в критической переоценке роли народовольчества³⁸. Эволюцию самого Плеханова к марксизму Цимке начинает лишь с 1881 г., однако подчеркивает, что и в это время Плеханов далеко не во всем понимал еще Маркса³⁹, став настоящим марксистом в 1882—1883 гг.

На первый взгляд, эти споры могут показаться «мелочью». В самом деле, так ли уж важно, особенно сейчас, когда со времени создания группы «Освобождение труда» прошло уже 100 лет, совершилось ли «обращение Плеханова в марксистскую веру» на два-три года раньше или позже? Однако в действительности спор здесь идет о другом: был ли переход от народничества к марксизму качественным скачком, отделяющим одну систему взглядов — утопический социализм от другой — социализма научного, или это был процесс «скрещивания» народничества с марксизмом, в результате которого и возник «русский марксизм» на народнической основе? Предметом дискуссии остается и вопрос о том, что представлял собой «марксизм Плеханова», как соотносились между собой взгляды Маркса, Энгельса, Плеханова по отдельным вопросам в различные периоды, каково было соотношение догматического и творческого элементов в плехановской концепции общественного развития? Таким образом, в конечном счете перед нами все тот же старый спор о «русском марксизме» и его отличиях от «подлинного» марксизма, созданного Марксом.

Характерно, что в опубликованной в 1982 г. статье английского философа У. Дж. Риса «Маркс, Энгельс и русский марксизм» акцентируются черты сходства народничества с марксизмом, облегчившие переход от первого ко второму (социалистические цели и революционные методы как народничества, так и марксизма, концентрация внимания на

классовых конфликтах, атеизм и философский материализм, признание естественного хода исторического процесса). Правда, Рис делает ряд оговорок, свидетельствующих о том, что он видит определенную разницу между народническими и марксистскими концепциями, однако принципиальный, качественный характер этих различий в статье все же затушеван. Думается, не случайно и то, что Рис явно неудачно сравнивает переход Г. В. Плеханова к марксизму с поворотом А. И. Герцена к теории крестьянского социализма, хотя в первом случае речь идет о подлинном перевороте в русской социологии, а во втором — лишь об одной из идеалистических в своей основе теорий утопического, домарксистского социализма.

Как и многие буржуазные ученые нового поколения, У. Дж. Рис стоит как бы на распутье. С одной стороны, он правильно связывает распространение и рост влияния марксизма в России с развитием российского пролетариата, дает очень высокую оценку Ленина как мыслителя и политика, четко отделяет современные социал-реформистские теории от марксизма. С другой стороны, Рис по-прежнему рассматривает «русский марксизм» как результат соединения радикализма Радищева, декабристов, Герцена, Чернышевского, народолюбцев и чернопередельцев и западноевропейского марксизма. При этом он считает, что Ленин воспринял у Маркса и Плеханова веру в пролетариат, а у народников — веру в революционные потенции крестьянства и «технику революционной организации»⁴⁰.

Бывший профессор Варшавского университета Л. Колаковски, подвизающийся ныне на Западе, высказывается на этот счет еще откровеннее. Он пишет, что переход Плеханова от народничества к марксизму был якобы лишь сменой политической стратегии, а не радикальным изменением мировоззрения, поскольку он уже в конце 70-х годов прошлого века признавал примат экономики над идеологией и был материалистом. Что касается Ленина, то он, по утверждению Колаковски, сначала находился под влиянием террористов-народников, затем стал марксистом-западником типа Плеханова и, наконец, выработал в 1899—1902 гг. собственный вариант марксизма, в котором опять присутствовала популистская традиция⁴¹.

Следует отметить, что подобная концепция явно господствует в буржуазной историографии. В работах многих буржуазных авторов развитие русской социалистической мысли на рубеже XIX и XX вв. изображается идущим по знаменитой гегелевской схеме-триаде: народничество (тезис) —

марксизм Плеханова (антитезис) — ленинизм (синтез). По мнению Бэрона, Плеханов верил в то, что европеизирующаяся Россия пойдет по западному пути, а поэтому положил в основу модели ее будущего исторического развития такие образцы, как Великая французская революция и опыт германской социал-демократии. Тем не менее Плеханову не удалось до конца освободиться от якобинских традиций, укореившихся в нем с народнических времен, сбалансировать детерминизм и волюнтаризм, субъективизм и объективные исторические законы, утопию и науку. Что касается Ленина, то он, по мнению Бэрона, взял на вооружение и развил именно этот домарксистский «довесок» в концепции Плеханова, став, как пишет Барон, не меньшим «ревизионистом», чем Бернштейн⁴².

Другие буржуазные историки делают эту схему еще более жесткой, подчеркивая именно отступления Плеханова-марксиста от марксизма, компромиссный характер программы группы «Освобождение труда», соединение в ней элементов народничества и марксизма⁴³. При этом к «остаткам народничества» они относят и признание руководящей роли социалистической интеллигенции в революционном движении, и организацию пролетарской партии «по типу тайного общества», и якобинские методы расправы со старым порядком, и допустимость террора, и даже веру в близость социалистической революции в России, хотя грубое, нарушающее принцип историзма противопоставление народничества и марксизма выглядит здесь достаточно надуманным, а то и просто нелепым.

Таким образом, господствующий в буржуазной историографии подход к проблеме перехода от народничества к марксизму, как в капле воды, отражает коренную противоположность двух основных идеологий современности — марксистской и буржуазной, обнаруживает явное нежелание большинства западных историков объективно разобраться в этом сложном и важном вопросе.

Буржуазная историография проявляет повышенный и далеко не бескорыстный интерес и к проблеме взаимоотношений Плеханова и его товарищей с Марксом и Энгельсом. Одни западные историки, например Барон, видят «пронию судьбы» и странную «неувязку» в том, что основоположники научного коммунизма в начале 80-х годов XIX в. критиковали не народовольцев с их заговорщической, террористической тактикой, а своих будущих последователей из группы «Черный передел». В дальнейшем Энгельс, приветствуя созданную бывшими чернопеределцами группу «Освобожде-

ние труда» в качестве первой русской марксистской организации, тем не менее фактически солидаризировался с тактикой народоольцев. При этом, как пишет Бэрн, Ф. Энгельс «забыл» собственное выступление против П. Н. Ткачева, сыгравшее далеко не последнюю роль в идейной эволюции Плеханова к марксизму⁴⁴.

Откровенно антикоммунистическое и антисоветское крыло буржуазной советологии в лице американского историка Р. Пайпса идет в этом направлении еще дальше, злорадствуя по поводу того, что Маркс и Энгельс «повернулись спиной» к Плеханову и его товарищам и сами якобы были в оценке событий в России скорее народниками, чем правоверными марксистами⁴⁵. И лишь немногие западные исследователи, например упоминавшийся выше Цимке, стараются объективно и серьезно разобраться в данном вопросе, показать генезис, динамику и закономерный финал человеческих и политических отношений первых российских марксистов с их великими учителями (напомним, что Энгельс в конце жизни уже характеризовал Плеханова как одного из немногих, кто вполне понял и овладел марксизмом)⁴⁶.

Советские историки (Ю. З. Полевой, Г. С. Жуйков, С. С. Волк, Р. П. Конюшая и др.) немало сделали для того, чтобы воссоздать реальную картину первых контактов будущих членов группы «Освобождение труда» с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Действительно, сначала Плеханов и его единомышленники были встречены Марксом и Энгельсом с известной настороженностью, и потребовалось время для того, чтобы члены группы «Освобождение труда» завоевали признание на международной арене. Верно и то, что на первых порах симпатии Маркса и Энгельса были на стороне народоольцев, а не на стороне Плеханова и других чернопередельцев⁴⁷. Слишком велико было обаяние бесстрашно поднявшихся на борьбу с царизмом героев «Народной воли», слишком большие надежды возлагались тогда Марксом и Энгельсом на их деятельность, которая должна была послужить сигналом к демократическому перевороту в России и началу пролетарских революций на Западе. Налицо и известная переоценка Марксом и Энгельсом политического актива «Народной воли», казавшейся тогда многим и в России, и особенно за границей более могущественной организацией, чем она была на самом деле. Действовал и такой фактор, как недостаток информации о состоянии революционных сил в России. Так, Энгельс признавал в 1885 г. в письме к Засулич: «...внутренняя, сокровенная история русской революционной партии, в особенности за последние

годы, мне почти совершенно неизвестна. Мои друзья из народовольцев мне о ней никогда не говорили. А это — необходимое условие, чтобы составить себе определенное мнение»⁴⁸. Наконец, по меткому замечанию Ленина, Маркс сразу же схватил «анархические элементы» во взглядах чернопеределъцев⁴⁹, а анархизм и особенно бакунизм вызывали у него вполне заслуженную негативную реакцию.

Главное же заключалось в том, что народовольцы действительно были на рубеже 70—80-х годов XIX в. единственной реальной революционной силой в России, самыми активными борцами против крупнейшего оплота международной реакции — царского самодержавия. Сама жизнь должна была разрушить со временем иллюзии народовольцев, исправить их ошибки, привести революционное движение в соответствие с реальными условиями российской действительности. Пока же, писал Энгельс, самое важное — «чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подает ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно»⁵⁰.

Однако буржуазные историки намеренно искажают истину, когда пишут о какой-то идейной капитуляции Маркса и Энгельса перед русским утопическим социализмом или о принципиальном изменении отношения марксистов к политическому террору. Известно, например, что Маркс и Энгельс рассматривали террористическую деятельность народовольцев как вынужденную, оборонительную меру, вызванную к жизни политикой царского самодержавия⁵¹. В 1894 г. Энгельс прямо писал, что если он с Марксом и не осуждал открыто народников, видевших в русских некий «избранный народ социальной революции», то это отнюдь не означало, что сами они разделяли подобные иллюзии⁵².

Характерно, что буржуазные историки совершенно неправомерно считают вывод Маркса и Энгельса о возможности некапиталистического развития России (заметим, что применительно к России он носил у основоположников марксизма преходящий характер и в 1894 г. Энгельс уже писал о все ускоряющемся превращении ее в капиталистическую страну⁵³) какой-то концепционной уступкой народническим утопиям. Так, например, бывший участник первой российской революции, а затем эмигрант, подвизавшийся в США в области русской истории, С. Шварц прямо пишет, что Маркс якобы встал на сторону народнической концепции, особенно после знакомства с той интерпретацией, которую

дал ей Чернышевский⁵⁴. Английский историк Дж. Кип также отмечает, что Маркс готов был сделать народникам далеко идущие уступки в области теории⁵⁵. Таким образом, по мнению этой группы буржуазных историков, отношения Маркса и Энгельса к народничеству (а соответственно и к марксизму) в России определялись якобы не только чисто прагматическими, но и глубокими «теоретическими» соображениями.

Однако подобные взгляды встречаются в последнее время скептическое отношение и критику со стороны самих же буржуазных ученых. Так, например, признается факт постепенного улучшения личных отношений Энгельса и Плеханова и роста авторитета последнего на международной арене⁵⁶. Цимке правильно подчеркивает, в частности, что в своих взаимоотношениях с народолюбцами Маркс и Энгельс руководствовались в первую очередь не личными симпатиями или антипатиями, а общим принципиальным положением, сформулированным еще в «Манифесте Коммунистической партии» и гласившим, что коммунисты в любой стране поддерживают всякое революционное движение⁵⁷. При этом, симпатизируя по вполне понятным причинам борьбе народолюбцев с самодержавием, Маркс и Энгельс, как пишет Цимке, отнюдь не солидаризировались с идеологическими основами их движения⁵⁸, критиковали Герцена, Бакунина, Лаврова и никогда не были принципиальными сторонниками террора. Их единственным и универсальным критерием в оценке революционного процесса в России были интересы европейской пролетарской революции⁵⁹.

Однако преобладающей в буржуазной историографии остается тенденция к искажению истории группы «Освобождение труда» и, в частности, значения ее деятельности для российского революционного движения. Так, Пайпс, ссылаясь на свидетельства А. Н. Потресова и А. М. Водена, утверждает, что вплоть до появления легально изданной в 1895 г. в Петербурге книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» его марксистские работы якобы вообще не были известны в России. Произвольно расчленив марксизм на четыре самостоятельные части (экономическая теория, социальная теория, революционная теория и политическая программа), Пайпс пишет, что до начала 90-х годов XIX в. он оставался для России чисто экономической теорией, поддерживающей доктрину ее особого пути к социализму, а создатели этой теории, два выдающихся немецких ученых, Маркс и Энгельс, будто бы восхищались общиной и террором. Вопрос о влия-

нии Плеханова на развитие марксизма в России, заключает Пайпс, — это предмет давних споров советских и американских историков, причем факты якобы свидетельствуют о правоте тех, кто сводит это влияние к минимуму⁶⁰.

Тезис о полной изоляции группы «Освобождение труда» от революционного движения на родине на протяжении всех 80-х годов XIX в. относится к числу наиболее характерных стереотипов буржуазной русистики. «В течение целого десятилетия революционная интеллигенция оставалась глухой к мольбам группы „Освобождение труда“ — маленькой организации новообращенных русских марксистов, которые тщетно взывали о том, что капитализм является прогрессивным явлением, несущим в себе семена социализма», — писал еще в середине 50-х годов Л. Хеймсон⁶¹. С тех пор указанный тезис прошел через многие работы западных авторов⁶², а Бэрн прямо назвал соответствующую главу своей монографии «Десятилетие изоляции». При этом он совершенно сознательно игнорирует другие русские марксистские организации, целиком отождествляет историю группы «Освобождение труда» в 1883—1893 гг. с историей «русского марксизма» вообще и пишет, что в эти годы плехановская организация была не только наиболее выдающейся частью социал-демократического движения в России, но и фактически исчерпывала собой это движение как таковое⁶³.

Буржуазные историки всячески подчеркивают «микроскопические» размеры группы «Освобождение труда», не делают попыток сколько-нибудь полно представить издательскую деятельность первых русских марксистов (а ведь она была по тем временам, как убедительно показано И. Н. Курбатовой, довольно значительной), не приводят никаких материалов об откликах на эти издания в России, контактах группы «Освобождение труда» с другими марксистскими кружками и т. д. Однако в последние годы отдельные западные историки начинают отходить от схемы Пайпса и Бэрона в данном вопросе. Так, Гайерхос и Цимке считают, что группа «Освобождение труда» уже в 80-е годы XIX в. отнюдь не была изолирована от революционного движения в России⁶⁴. Цимке прямо солидаризируется с советскими исследователями Ю. З. Полевым и Г. С. Жуйковым и критикует взгляды Пайпса и Бэрона. Критикует он и концепцию советского историка 20-х годов Н. Л. Сергиевского, считавшего, что революционные кружки в России пришли к марксизму независимо от влияния группы «Освобождение труда» якобы в результате органической эволюции

позднего пародничества, находившегося под сильным влиянием Лаврова⁶⁵. Можно встретить в буржуазной историографии и компромиссную точку зрения, согласно которой группа «Освобождение труда» с самого начала стала источником идей для марксистских кружков, созданных непосредственно в России, хотя организационные контакты с ними носили и спорадический характер⁶⁶.

Во враждебном марксизму-ленинизму духе пытаются интерпретировать наши идейные противники и борьбу Плеханова в защиту революционного марксизма на рубеже XIX и XX вв., которая получила высокую оценку Ленина⁶⁷. Как известно, одной из ярких страниц в истории группы «Освобождение труда» было выступление Плеханова против бернштейнианства, мильеранизма и других разновидностей правого оппортунизма в международном рабочем движении, включая «экономизм» и «легальный марксизм» в России, а также его борьба с «левой» революционностью (анархизм, социал-революционаризм и т. д.). Одним из первых во II Интернационале⁶⁸ Плеханов поднялся на бой за чистоту марксистского учения, начав борьбу с немецкими ревизионистами Э. Бернштейном и К. Шмидтом на ответственнейшем участке идеологического фронта — в области философии, где Плеханов был тогда на голову выше других лидеров международного социализма. При этом его страстная, бескомпромиссная позиция выгодно отличалась от выжидательного, примиренческого отношения к Бернштейну со стороны Каутского и некоторых ведущих деятелей II Интернационала.

Между тем в трактовке многих буржуазных историков борьба Плеханова с ревизионизмом на международной арене выглядит как шаг, свидетельствующий якобы о полном непонимании им той реальной обстановки в рабочем движении, которая породила бернштейнианство и другие разновидности социал-реформизма. Правда, буржуазные авторы не могут не отдать должного смелости, ортодоксальной твердости и «романтическому горению» Плеханова, но не жалеют красок, чтобы показать отсутствие у него политического реализма. Так, Бэрн — а он в данном случае лишь выражает преобладающую в буржуазной историографии точку зрения — прямо пишет, что в конце прошлого века марксистская ортодоксия все менее соответствовала тем объективным условиям, в которых находился пролетариат развитых капиталистических стран и которые характеризовались определенным улучшением экономического положения рабочих, а также расширением сферы их «сотрудничества»

с буржуазией. Бэрн подчеркивает, что в противовес взглядам Плеханова в конце XIX—начале XX в. уже невозможно было сохранить (а тем более развивать) социалистическое классовое сознание пролетариата в условиях постепенной демократизации западного общества, улучшения условий жизни и труда рабочего класса и роста национализма⁶⁹.

С этих позиций бернштейнианство изображается имманентным элементом развития рабочего движения, естественным и неотвратимым знаменем времени. Из схемы буржуазных авторов начисто выпадает такой момент, как ренегатство Бернштейна, считавшегося в некоторых кругах II Интернационала чуть ли не «душенприказчиком» Энгельса, его сознательный переход на позиции буржуазии, прямое искажение и ополнение им марксистского учения. Бэрн прямо указывает, например, что «кризис марксистской ортодоксии» не имел своим источником «предательство» или «невежество в марксизме» некоторых интеллектуалов, вообще исключая эти факторы при объяснении такого феномена, как бернштейнианство⁷⁰. В поисках мнимых «противоречий» и «ограниченности» марксизма буржуазные историки не замечают вульгарной интерпретации Бернштейном ряда кардинальных положений марксистской теории, принимая на веру все, что писал о марксизме сам Бернштейн. В итоге буржуазная историография считает аксиомой процесс «демократизации» капитализма, с охотой принимает на веру реформистский тезис о стирании классовых граней, иронизирует над «иллюзиями» революционных марксистов и с удовлетворением констатирует, что ревизионизм, одержав победу, стал ныне на Западе синонимом идеологии социалистических партий.

Если сам Плеханов еще ставил в ходе полемики с Бернштейном альтернативный вопрос: социал-демократия похоронит Бернштейна или Бернштейн похоронит социал-демократию⁷¹, то теперь, как полагают буржуазные историки, уже вполне очевидно, что победа оказалась на стороне Бернштейна. Марксизм, пишет Бэрн, не получил реализации ни на Западе, где победил реформизм, ни в России, где Ленин якобы тоже предпринял «радикальный пересмотр» основных положений марксистского учения применительно к условиям слабо развитой аграрной страны. Но если бернштейнианству и ленинизму было суждено развиваться, ибо каждое из этих направлений опиралось на определенные социально-политические реальности, пишут буржуазные историки, то Плеханов и ортодоксальный марксизм явно шли с начала XX в. по нисходящей линии⁷².

В основе подобных утверждений лежат самые вульгарные представления о марксизме как о теории, выводящей якобы историческую неизбежность пролетарской революции только из таких факторов, как всеобщая пролетаризация населения, его абсолютное обнищание, войны и т. п. Марксизм полностью отождествляется в России со взглядами Плеханова и группы «Освобождение труда» (такого взгляда, кстати говоря, придерживался и сам Плеханов)⁷³, тогда как большевизм вообще оказывается за его пределами. Таким образом, буржуазная историография всячески спекулирует на абсолютизации одной из форм марксистской ортодоксии периода домонополистического капитализма, которую условно можно назвать «плехановской», замалчивая далеко не полное соответствие взглядов Плеханова (даже в марксистский период его деятельности) концепции Маркса и Энгельса, а также процесс постепенного «окаменения» и разрушения цельного марксистского мировоззрения Плеханова в эпоху империализма. Вряд ли нужно доказывать, что подобные приемы весьма далеки от научной объективности и глубокого знания марксизма, на которые, как известно, претендуют наши оппоненты из среды буржуазных историков.

В трактовке Бэрона главная цель страстной борьбы Плеханова против бернштейнианства и неокантианства заключалась в том, чтобы поддержать героический и «идеалистический» характер социалистического движения, поставить заслон против инфильтрации в него скептицизма и безверия, ибо Плеханов боялся, что «критика» марксизма подорвет тот романтический энтузиазм, который был необходим пролетариату для реализации его исторических задач⁷⁴. Таким образом, Бэрон переносит центр тяжести проблемы борьбы с ревизионизмом в чисто психологическую плоскость и без достаточных, на наш взгляд, оснований мотивирует позицию Плеханова в данном вопросе лишь чувством страха и состоянием душевного дискомфорта, в которое повергло его выступление Бернштейна. Думается, однако, что гамма переживаний и эмоций Плеханова была значительно богаче и в полемике с Бернштейном он меньше всего напоминал испуганного, растерянного или поколебленного в своих убеждениях человека. Правда, ему принадлежит с радостью взятая на вооружение буржуазной историографией фраза о том, что «Бернштейн кое в чем прав: так, например, на близкое осуществление социалистического идеала, разумеется, нельзя рассчитывать»⁷⁵. Однако подобное признание еще отнюдь не свидетельствовало ни об историческом пес-

символизме Плеханова, ни о наличии в его взглядах элементов «двойной бухгалтерии» и политического лицемерия, на что прозрачно намекают некоторые буржуазные историки⁷⁶. Напротив, страстный протест Плеханова против ревизионизма основывался на глубокой убежденности в конечном торжестве социализма, в революционности рабочего класса, в непримиримости интересов пролетариата и буржуазии.

Довольно подробно рассматривается в буржуазной историографии и принципиально важный вопрос об отношении к бернштейнианству другого видного деятеля группы «Освобождение труда» — П. Б. Аксельрода⁷⁷. И снова перед нами несколько точек зрения. Так, Дж. Кип безоговорочно и совершенно справедливо утверждает, что Аксельрод симпатизировал Бернштейну⁷⁸. Другие авторы склонны видеть в позиции Аксельрода по отношению к Бернштейну своеобразное раздвоение личных симпатий⁷⁹ и политических принципов, причем в конечном счете последние все же взяли верх и Аксельрод встал на сторону Плеханова⁸⁰. Тем не менее даже явно симпатизирующий своему «герою» Эшер вынужден в осторожной форме признать, что у Аксельрода могло быть ощущение «известного соответствия» между идеями Бернштейна и его собственными сомнениями в истинности тех догм, которыми руководствовалась группа «Освобождение труда».

Так или иначе, буржуазные историки признают, что лишь Плеханов последовательно и бескомпромиссно выступил против Бернштейна. Однако они делают все возможное, чтобы принизить значение этого шага. Бэрн, например, пишет, что хотя философские эссе Плеханова, направленные против ревизионизма, «искрились остроумием и эрудицией», они, по существу, не опровергали политический и социально-экономический аспекты ревизионистской «критики», которые наносили наибольший ущерб ортодоксальному марксизму. При этом он подчеркивает, что на германскую социал-демократию антиревизионистская кампания Плеханова оказала мало влияния, хотя и признает ее большую роль в процессе формирования самой РСДРП⁸¹. Между тем факты, в том числе высказывания самих руководящих деятелей германской социал-демократии, говорят об обратном⁸².

В искаженном свете предстает в работах многих буржуазных историков и борьба членов группы «Освобождение труда», прежде всего Плеханова, с российским оппортунизмом — «экономизмом» и «легальным марксизмом». Как известно, многие западные авторы вообще не хотят считать «экономизм» оппортунистическим течением, ставят под со-

мнение правомерность применения самого этого термина, а борьбу революционных социал-демократов против «экономизма» расценивают как своего рода «охоту за ведьмами» или как бесчестную политическую кампанию, в которой якобы лишь сводились личные счёты и каждый из участников стремился добиться руководящего положения в российском рабочем движении⁸³. Бэрн посвящает борьбе Плеханова с «экономизмом» целую главу своей книги, но рассматривает ее в основном сквозь призму столкновения двух поколений в российской социал-демократии: представителей старой марксистской ортодоксии из группы «Освобождение труда» и молодых социал-демократов, капитулировавших перед психологией той части рабочих, которые стремились лишь к улучшению своего экономического положения, отстранялись от политической борьбы и не хотели признавать руководство марксистской интеллигенции⁸⁴. При этом Бэрн с полным пониманием и сочувствием относится к молодым противникам Плеханова из заграничного «Союза русских социал-демократов», иронически замечая, что ортодоксальную чистоту гораздо легче было сохранить в вакууме (в котором, по его мнению, находились члены группы «Освобождение труда»), чем в реальной жизни⁸⁵.

Правда, Бэрн не во всем согласен с Шапиро, видящим в «экономизме» лишь «плод больного воображения» Ленина и Плеханова. Так, Бэрн признает, что 1898 год был, вероятно, высшей точкой «ревизионистско-экономического влияния» в «Союзе русских социал-демократов». Он не отрицает связи крайних форм «экономизма» с ревизионизмом Бернштейна, видит в «экономизме» угрозу социалистическим идеалам рабочего класса и прямо пишет, что если бы «экономисты» одержали победу над революционными марксистами, то шансы либералов на захват гегемонии в освободительном движении против абсолютизма, возможно, возросли бы⁸⁶.

Во многом близок к концепции Бэрна и Эшер, который тоже видит в борьбе с «экономизмом» два этапа — «идеологический диспут» (примерно до 1900 г.) и последующую «свалку», в которой Плеханов и Аксельрод были нападающей стороной. Но если Бэрн объясняет двухлетнее «воздержание» Плеханова от участия в открытых дискуссиях с «экономистами» тем, что он считал бернштейнианство главным врагом марксизма и поэтому сосредоточил усилия на борьбе именно с этой формой оппортунизма, то Эшер видит здесь лишь своеобразное разделение труда внутри группы «Освобождение труда»: Плеханов был занят критикой

Бернштейна, а Аксельрод — «экономизма»⁸⁷. Эшер подчеркивает, что критические замечания Аксельрода в адрес «экономистов» объяснялись отнюдь не его ортодоксальной твердостью: они были вызваны прежде всего стремлением как-то соединить решение экономических, антибуржуазных по своей сущности задач пролетариата с осуществлением политического союза рабочего класса и буржуазии в борьбе против самодержавия. По мысли Аксельрода, выдвижение на первый план экономических требований рабочих к буржуазии могло бы лишь отпугнуть последнюю от участия в освободительном движении вместе с пролетариатом. Однако Эшер вынужден признать, что в схеме Аксельрода, несомненно, был один весьма уязвимый пункт, поскольку она не могла дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа на вопрос, как русский рабочий, не прошедший школу политического компромисса и тред-юнионизма, сможет сознательно и добровольно сотрудничать, хотя бы и временно, со своим классовым врагом — буржуазией⁸⁸. Одновременно Эшер правильно обращает внимание на существенную разницу в подходе к критике «экономизма» Аксельрода и Ленина, цитируя письмо Ленина к Потресову, где говорится, что Аксельрод недостаточно подчеркивает классовый характер пролетарского движения и что речь должна идти не о «поддержке» пролетариатом буржуазии, не о «союзе» этих двух социальных сил, а лишь об использовании либералов в интересах рабочего класса⁸⁹.

Таким образом, борьба Плеханова и группы «Освобождение труда» с «экономизмом», которая, хотя и началась с опозданием и развернулась по инициативе Ленина⁹⁰, но явилась тем не менее важной частью общего идейно-теоретического и политического актива группы, трактуется в буржуазной историографии в отрицательном плане. И это вполне понятно, ибо западные историки поднимают на щит прежде всего слабые стороны Плеханова как теоретика и политика, спекулируют на его конфликтах с Лениным и, наоборот, всячески принижают значение их совместных шагов в борьбе с идейными противниками марксизма.

Очень бегло рассматривается в буржуазной исторической литературе и вопрос о запоздалом, но принципиально важном выступлении Плеханова против «легального марксизма». Для большинства западных историков Струве в 90-е годы XIX в. — это такой же марксист, как Ленин и Плеханов, а сам термин «легальный марксизм» начисто лишен у них негативного оттенка и никогда не интерпретируется как попытка ревизии философского, экономического

и политического наследия Маркса и Энгельса⁹¹. При этом Пайпс придерживается той точки зрения, что борьба Плеханова против Струве была вызвана в значительной мере личной неприязнью (начиная с их первой встречи в 1895 г.)⁹², соперничеством в споре за руководящие позиции в социал-демократическом движении. Разумеется, с точки зрения Пайпса, идейная близость Струве к Бернштейну — это не порок, а, наоборот, достоинство, свидетельство его принадлежности к течению «демократического социализма».

Последний период в деятельности группы «Освобождение труда» прошел под знаком участия ее членов в работе редакции ленинской «Искры», которая вела напряженную борьбу за создание марксистской партии нового типа. В эти годы члены группы, в первую очередь Плеханов, впервые вошли в тесный деловой контакт с новым поколением руководителей социал-демократического рабочего движения в России во главе с Лениным. Отношения эти, как известно, складывались далеко не гладко. Достаточно напомнить об ожесточенных спорах накануне создания «Искры» летом 1900 г. и об острейших, полных поистине драматических моментов дискуссиях внутри редакции в 1901—1902 гг. Вполне понятно, что эти разногласия не могли не привлечь к себе пристального внимания буржуазной историографии, причем в подходе к этим сюжетам среди западных историков довольно четко различаются две группы: одни (Шапиро, Кип, Гайер) сводят теоретические разногласия между будущими большевиками и меньшевиками к минимуму и делают акцент на их личном соперничестве, разнице в темпераментах и т. д.; другие (Бэрон, Гетцлер, Хеймсон, Вольф) усматривают здесь различия прежде всего глубинного, теоретического характера.

Так, например, Шапиро пишет, что до 1903 г. существенных теоретических разногласий в редакции «Искры» якобы не было, а «стычки» Ленина и Плеханова объяснялись в основном разницей в их характерах. При этом Шапиро приходит к выводу, что коллеги Ленина по редакции первой марксистской общерусской газеты не смогли своевременно в полной мере оценить практические последствия ленинских взглядов, нашедших отражение в книге «Что делать?»⁹³, и, если так можно выразиться, «проглядели» опасные тенденции, заложенные в ленинском организационном плане.

Бэрон подходит к данной проблеме более тонко. Так, он отмечает, что сотрудничество членов группы «Освобождение труда» с Лениным в рамках искровской организации

дало мощный толчок социал-демократическому движению в России⁹⁴. Признает принципиально различный подход Ленина и Плеханова к проблеме взаимоотношений рабочего класса с либералами и к аграрно-крестьянскому вопросу. Справедливо усматривает в этих разногласиях попытку Ленина вырваться из узких рамок плехановской схемы двух изолированных стадий развития российской революции (сначала «общенациональная», антиабсолютистская революция при участии либеральной буржуазии, затем, после более или менее длительного перерыва, — чисто пролетарская, социалистическая революция). «Подкоп» Ленина под схему Плеханова Бэрон видит и в ленинском курсе на политическую изоляцию либералов, и в идее национализации земли, осуществление которой означало бы серьезный удар по принципу частной собственности вообще, и в ставке на революционное демократическое крестьянское движение, призванное «заместить» в общем балансе антиправительственных сил либерально-буржуазную оппозицию. Неотъемлемой составной частью новой ленинской революционной теории Бэрон считает и организационный план Ленина⁹⁵.

Вместе с тем Бэрон не замечает никаких принципиальных расхождений в основных частях ленинского и плехановского проектов партийной программы (оценка уровня развития российского капитализма, отношение пролетариата к мелкой буржуазии и т. д.), сводя все дело к разнице в «творческих стилях» двух выдающихся теоретиков РСДРП⁹⁶. Одновременно Бэрон стремится всячески исказить организационные принципы партии нового типа, разработанные Лениным, приписать ему пренебрежительное отношение к рабочим как к стихийным носителям оппортунизма, противопоставить ленинскую концепцию партии соответствующим взглядам Маркса⁹⁷. Итоговый вывод Бэрона сводится к тому, что «якобинство» Плеханова предрасполагало его к большевизму, хотя и не было идентично ленинизму, что разница между взглядами Ленина и Плеханова в организационных вопросах состояла не столько в принципах, сколько, если так можно выразиться, в «дозировке» некоторых общих исходных элементов в ленинской и плехановской концепциях. «Искровский» стиль, пишет Бэрон, в конечном счете был лишь некоторым «расширением» принципов и методов деятельности группы «Освобождение труда». Тем самым Плеханов, с точки зрения Бэрона, объективно прокладывал путь Ленину⁹⁸.

Разумеется, никто не собирается отрицать, что взгляды Г. В. Плеханова-марксиста и группы «Освобождение труда»

явились частью того идейного наследства, от которого никогда не собирались отречься В. И. Ленин и большевики. Хорошо известно и то, что на II съезде РСДРП Плеханов поддержал Ленина по всем принципиальным вопросам, включая и организационный, хотя никогда не понимал до конца и не разделял ленинских взглядов на пролетарскую партию нового типа. Однако и Бэрн, и другие буржуазные историки умышленно оставляют в тени вторую сторону вопроса — генетическую связь слабых сторон плехановской концепции с меньшевизмом, предопределившую в конце концов его уход от большевиков в конце 1903 г. Не хотят заметить они и того принципиально нового, что было внесено в марксизм Лениным по сравнению с Плехановым, нередко представляя дело таким образом, будто Ленин был лишь учеником Плеханова и вплоть до раскола на II съезде РСДРП занимался в основном пропагандой плехановских взглядов⁹⁹. В действительности же отношения Ленина и Плеханова с самого начала не укладывались в традиционную схему «ученик — учитель», ибо они олицетворяли собой два различных этапа в развитии рабочего и социал-демократического движения в России, два этапа в развитии международного рабочего движения в целом, две исторические эпохи.

Говоря о значении деятельности группы «Освобождение труда», отдельные буржуазные историки признают, что, несмотря на свою малочисленность и отсутствие тесных контактов с рабочим движением внутри России, она немало сделала для распространения марксизма и опровержения народнических взглядов. Однако для буржуазной историографии в целом характерно приуменьшение масштабов деятельности группы и ее связей с российским и международным рабочим движением, стремление оторвать работу Плеханова и его товарищей в период 1883—1903 гг. от последующей истории большевизма, представить их как мечтателей-утопистов, обреченных на провал в слишком «нетерпеливой» обстановке России начала XX в. Так, Дж. Кип утверждает, что, хотя в программе и тактике группы «Освобождение труда» было много туманного и противоречивого, ее члены создали тем не менее такую систему «политической мифологии» — именно «мифологии», не более того, которая воодушевляла целое поколение молодых русских революционеров на героическую борьбу с самодержавием¹⁰⁰. Бэрн видит в деятельности группы первую попытку приложить марксистскую социалистическую программу к условиям слаборазвитой страны¹⁰¹, называет ее членов «мозго-

вым трестом» революции¹⁰², подчеркивает, что «прорыв» русских марксистов к массовому рабочему движению в 90-х годах XIX в. едва ли был бы возможен без терпеливой, преданной и солидной подготовительной работы Плеханова и его товарищей¹⁰³. Общий итог работы группы «Освобождение труда», с точки зрения Бэрона, состоит лишь в том, что она создала «атмосферу, сделавшую идеи марксизма приемлемыми для русских революционеров», подготовила «материал для новой ориентации» рабочего класса и всего освободительного движения в России в целом¹⁰⁴. Однако эта «новая ориентация», по мнению большинства буржуазных историков, была глубоко ошибочной, ибо Россия вследствие ее отсталости не могла пойти по пути, указанному Марксом и Плехановым.

Таким образом, буржуазная историография далека от подлинно объективной, научной оценки деятельности первой марксистской организации в России — группы «Освобождение труда». Несмотря на появление в последние годы отдельных работ, авторы которых, например Цимке и Гайерхос, искренне стремятся по достоинству оценить вклад Плеханова и группы «Освобождение труда» в целом в борьбу против царского самодержавия и буржуазии, большинство буржуазных историков в большей или меньшей степени искажает роль первых российских марксистов, расчистивших путь для создания пролетарской партии в России. Лишь советские историки на основе ленинской концепции истории революционного движения в России и конкретных ленинских оценок политической и научной деятельности Плеханова, программы и тактики группы «Освобождение труда» сумели показать подлинное место этой организации в процессе идейной подготовки социал-демократического рабочего движения в России, соединения марксизма с революционной борьбой рабочего класса.

¹ См.: *Жуйков Г. С.* Группа «Освобождение труда». М., 1962, с. 13—24; *Он же.* Правда истории: (Против фальсификации буржуазной историографией раннего периода истории КПСС). Л., 1968; *Казакевич Р. А., Сулова Ф. М.* Мистер Пайнс фальсифицирует историю. М., 1966; *Костин А. Ф.* Ленинская концепция истории создания РСДРП и ее буржуазные критики. М., 1973; *Курбатова И. Н.* Начало распространения марксизма в России: Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983; и др.

² См., например: *Florinsky M. T.* Russia: A short history. N. Y.; L., 1964, p. 325; *Riasanovsky N. V.* A history of Russia. N. Y. etc., 1969,

- p. 450; *Dukes P.* History of Russia. L., 1974, p. 173—174; *Rauch G. von.* Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969, S. 8; *Gitermann V.* Geschichte Russlands. Frankfurt a. M., 1965, Bd. III, S. 324; и др.
- ³ См., например: *Kolakowski L.* Main currents of marxism: Its rise, growth and dissolution. Vol. II. The golden age. Oxford, 1978; История марксизма. Т. 2. Марксизм в эпоху II Интернационала: (Пер. с ит.). М., 1981. Вып. 1; *Marx and marxisms.* Cambridge, 1982; и др.
- ⁴ Среди работ этого типа см.: *Shapiro L.* The Communist party of the Soviet Union. N. Y., 1960; *Keep J.* The rise of social democracy in Russia. Oxford, 1963; *Geyer D.* Lenin in der russischen Sozialdemokratie. Köln; Graz, 1962; *Vladimir Akimov on the dilemmas of russian marxism, 1895—1903.* Cambridge, 1969; *Pipes R.* Social democracy and the St. Petersburg labor movement, 1885—1897. Cambridge (Mass.), 1963; *Idem.* Struve: Liberal on the left, 1870—1905. Cambridge (Mass.), 1970; *Borcke A. von.* Die Ursprünge des Bolschewismus: Die jakobinische Tradition in Russland und die Theorie der revolutionären Diktatur. München, 1977; и др.
- ⁵ См.: *Baron S. H.* Plekhanov. The father of russian marxism. Stanford, 1966; *Asher A.* Pavel Axelrod and the development of menschevism. Cambridge (Mass.), 1972; *Geierhos W.* Vera Zasulic und die russische revolutionäre Bewegung. München; Wien, 1977.
- ⁶ См.: *Ziemke T.* Marxismus und Narodničestvo: Entstehung und Wirken der Gruppe «Befreiung der Arbeit». Frankfurt a. M., 1980.
- ⁷ См.: *Haimson L.* The Russian marxists and the origin of bolshevism. Cambridge (Mass.), 1955, p. V.
- ⁸ Еще в 1952 г. С. Бэрон защитил в Стэнфордском университете диссертацию «Георгий Плеханов и группа „Освобождение труда“: 1883—1894» (она осталась неопубликованной). Затем последовал ряд его статей о Плеханове: *Plekhanov on Russian capitalism and peasant commune.* — Amer. slav. and east European rev. (далее: ASEER), 1953, vol. XII; *Plekhanov and the origin of Russian marxism.* — Russ. rev., 1954, N 1; *The first decade of Russian marxism.* — ASEER, 1955, vol. XIV; *Plekhanov's Russia.* — J. hist. ideas, 1958, vol. XIX; *Plekhanov et le despotisme oriental.* — Contrat soc., 1959, N 3; *Plekhanov and the revolution of 1905.* — Essays in Russian and Soviet history. N. Y., 1963; *The resurrection of Plekhanovism in Soviet historiography.* — Russ. rev., 1974, N 4. Ныне Бэрон — профессор университета в Северной Каролине.
- ⁹ См.: *Полянский Ф. Я.* Плеханов и русская экономическая мысль. М., 1965, с. 440—469.
- ¹⁰ *Baron S. H.* Op. cit., p. VII.
- ¹¹ См.: *Ibid.*, p. VII—VIII.
- ¹² *Ibid.*, p. 253. Бэрон считает также, что крах Плеханова-политика был одновременно и крахом марксистского «монистического» взгляда на историю как на объективный закономерный процесс (*Ibid.*, p. 360—361; см. также написанный Бэроном раздел: *Le développement du capitalisme en Russie dans la pensée de Plekhanov.* — In: Histoire du marxisme contemporain. P., 1977, t. 2, p. 103).
- ¹³ См.: *Ascher A.* Op. cit., p. 4. Эта тема красной нитью проходит через многие работы буржуазных историков о меньшевизме и его вождах, в частности через книгу И. Гетцлера о Мартове, которого автор считает одним из пророков «демократического социализма». См.: *Getzler J.* Martov: A political biography of a Russian social democrat. Melbourne, 1967.

- ¹⁴ См.: *Ascher A.* Op. cit., p. 32. Эшеру вторит и французская исследовательница К. Вейль, которая считает, что, явно уступая Плеханову в области теории, Аксельрод превосходил его, однако, своей «дипломатичностью», смягчая излишнюю «доктринерскую строгость» своего друга. См. *Weill C. Marxistes russes et social-democratie allemande, 1898—1904.* P., 1977, p. 39.
- ¹⁵ См.: *Ascher A.* Op. cit., p. 64—65, 103. Эшер идет здесь по стопам Л. Хеймсона, который назвал одну из глав уже упоминавшейся выше книги, где рассматриваются взаимоотношения Плеханова и Аксельрода в 70—80-х годах XIX в., — «Союз разума и чувства» (олицетворением разума, по мнению Хеймсона, был Плеханов, чувства — Аксельрод).
- ¹⁶ См. рецензию М. Г. Седова в журнале «История СССР» (1981, № 3); *Курбатова И. Н.* Указ. соч., с. 21.
- ¹⁷ *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 44.
- ¹⁸ См.: *Geierhos W.* Op. cit., S. 281.
- ¹⁹ *Ibid.*, S. 256—257.
- ²⁰ Об этом свидетельствуют, в частности, ее работы, вошедшие в недавно изданную книгу: *Засулич В. И.* Избранные произведения. М., 1983.
- ²¹ См.: История марксизма. Т. 2, вып. 1, с. 411—443.
- ²² Ученик Г. фон Рауха Тис Цимке защитил в 1974 г. в Кильском университете магистерскую диссертацию на тему «Плеханов и начало марксизма в России». Затем он стажировался в СССР, работал в советских архивах (Цимке использовал, в частности, материалы Архива Дома Плеханова в Ленинграде, ЦГИА СССР, ЦГАОР СССР, ЦГАЛИ). В 1979 г. он защитил докторскую диссертацию, которую и опубликовал в 1980 г.
- ²³ См.: *Ziemke T.* Op. cit., S. VII.
- ²⁴ См.: *Ibid.*, S. V—VI.
- ²⁵ *Ibid.*, S. 496.
- ²⁶ См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 112—116; *Anderson T.* Masters of Russian marxism. N. Y., 1963; *Keep J.* Op. cit., p. 16; *Kolakowski L.* Op. cit., vol. II, p. 305—307.
- ²⁷ *Ziemke T.* Op. cit., S. 321.
- ²⁸ *Ibid.*, S. 305—306.
- ²⁹ *Ibid.*, S. 307.
- ³⁰ *Ibid.*, S. 331.
- ³¹ *Ibid.*, S. I—III.
- ³² См.: *Schapiro L.* Op. cit., p. 41.
- ³³ *Ibid.*, p. 8.
- ³⁴ См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 54.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 59, 68.
- ³⁶ См.: *Ziemke T.* Op. cit., S. 84, 88, 93—95, 158, 188.
- ³⁷ *Ibid.*, S. 159.
- ³⁸ *Ibid.*, S. 189.
- ³⁹ *Ibid.*, S. 188 (имеется в виду статья Плеханова «Экономическая теория Карла Ротбергуса Ягцова»).
- ⁴⁰ См.: *Rees W. J.* Marx, Engels and Russian marxism. — In: *Marx and marxisms.* Cambridge, 1982, p. 113, 117, 127.
- ⁴¹ См.: *Kolakowski L.* Op. cit., vol. II, p. 331, 356.
- ⁴² См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 112—116, IX.
- ⁴³ См.: *Frankel J.* Volontarisme, maximalisme: Le groupe Osvoboždenie Truda, 1838—1892. — *Cah. monde russe et soviét.*, 1968, vol. IX, N 3/4, p. 296, 298, 322—323; Vladimir Akimov on the dilemmas

- of Russian marxism, 1895—1903. Cambridge, 1969, p. 61, 96. (Предисловие к работам «экономиста» В. Акимова также написано Д. Френкелем).
- 44 См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 67, 123. Имеются в частности, в виду письма К. Маркса к Ф. А. Зорге от 5 ноября 1880 г. и Ф. Энгельса к В. И. Засулич от 23 апреля 1885 г. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 380; т. 36, с. 260—263.
- 45 См.: *Pipes R. Struve: Liberal on the left*, p. 50; *Idem.* Russian marxism and its populist background. — *Russ. rev.*, 1960, Oct., p. 322. Об этом же пишет и Л. Колаковски. См.: *Kolakowski L.* Op. cit., p. 324.
- 46 См.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 118.
- 47 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 447, 380; т. 35, с. 179, 302.
- 48 Там же, т. 36, с. 260.
- 49 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 247—248.
- 50 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 263.
- 51 См.: Там же, т. 21, с. 197.
- 52 Там же, т. 22, с. 451.
- 53 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 452.
- 54 См.: *Continuity and change in Russian and Soviet thought*, 1955, p. 53.
- 55 См.: *Keep J.* Op. cit., д. 19; *Borcke A. von.* Op. cit., S. 435.
- 56 См.: *Weill C.* Op. cit., p. 26, 45; *Harding N.* Lenin's political thought. L., 1977, vol. I, p. 31.
- 57 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 459.
- 58 См.: *Ziemke T.* Op. cit., S. 176.
- 59 *Ibid.*, S. 180—181. В этой связи Цимке возражает советским историкам, в частности Г. С. Жуйкову, преувеличивающим, по его мнению, влияние дезинформации Л. Н. Гартмана на К. Маркса и Ф. Энгельса. См.: *Ibid.*, S. 177; *Geierhos W.* Op. cit., S. 139.
- 60 См.: *Pipes R. Struve: Liberal on the left*, p. 51.
- 61 *Haimson L.* Op. cit., p. 21.
- 62 См., например: *Wortman R.* The crisis of Russian populism. L., 1967, p. 192.
- 63 См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 117, 125. В примечании Барон упоминает о вышедшей незадолго до появления его труда фундаментальной монографии Ю. З. Полевого «Зарождение марксизма в России», более половины которой посвящено истории первых марксистских организаций на территории самой России, но оставляет этот материал без внимания, заметив попутно, что книга Ю. З. Полевого требует к себе «осторожного» отношения, когда речь идет об отношении Маркса и Энгельса к русскому революционному движению вообще и к группе «Освобождение труда» в частности. См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 117.
- 64 См.: *Geierhos W.* Op. cit., S. 272; *Ziemke T.* Op. cit., S. 314.
- 65 См.: *Ziemke T.* Op. cit., S. 321—322.
- 66 См.: *Shukman H.* Lenin and the Russian revolution. N. Y., 1966, p. 31.
- 67 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 385; т. 25, с. 222.
- 68 Характерно, что примерно одновременно с Плехановым против Бернштейна выступили Р. Люксембург и А. Парвус, которые родились в западных районах Российской империи, но с конца XIX в. вели активную работу как члены германской социал-демократии.

- Этот момент всячески обыгрывается в буржуазной историографии как доказательство того, что против Бернштейна выступили прежде всего представители России и Польши.
- 69 См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 182.
- 70 *Ibid.*, p. 185.
- 71 См.: *Плеханов Г. В.* Избр. философ. произв. М., 1956, т. II, с. 373.
- 72 См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. IX, 253, 354, 360, 361.
- 73 См.: *Плеханов Г. В.* Соч., т. XIII, с. 227; Исторический архив, 1956, № 6, с. 19.
- 74 См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 174, 179.
- 75 Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, М., 1925, т. 1, с. 189.
- 76 Пайпс идет в этом направлении еще дальше и прямо обвиняет Плеханова в сознательной лжи. Он видит лишь одно объяснение позиции Плеханова в спорах с Бернштейном: «староверческий фанатизм» главы русских марксистов, его убеждение в том, что марксистская «вера» должна стоять нерушимо в полном своем объеме или ей суждено будет пасть. См.: *Pipes R. Struve: Liberal on the left*, p. 213.
- 77 Как известно, в ответ на письмо Плеханова (февраль 1898 г.), глубоко возмущенного «полным отречением» Бернштейна и от революционной тактики, и от коммунизма, Аксельрод написал одно из самых «странных и растерянных», по оценке Эшера, писем в своей жизни (см.: *Ascher A.* Op. cit., p. 144). В нем говорилось, что бернштейнианство имеет такое же право на существование, как и ультрареволюционные течения, и что все дело сводится в конечном счете к разнице в темпераментах. В итоге, писал Аксельрод, филистерски черепашие движение вперед в духе Бернштейна имеет даже некоторое преимущество перед методами бури и натиска, ибо оно будет стоить меньше крови. См.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 1, с. 195.
- 78 См.: *Keep J.* Op. cit., p. 65.
- 79 П. Б. Аксельрод познакомился и подружился с Э. Бернштейном и К. Каутским еще в 1880 г. См.: *Ascher A. Axelrod and Kautsky.* — *Russ. rev.*, 1967, vol. XXVI, N 1, p. 95.
- 80 См.: *Ascher A.* Op. cit., p. 144—151; см. также: *Weill C.* Op. cit., p. 41—42, 104, 106, 112.
- 81 См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 180, 183; см. также: *Geyer D.* Op. cit., S. 149; *Weill C.* Op. cit., p. 101, 107.
- 82 См.: *Паукова В. А.* Группа «Освобождение труда» и международное социалистическое движение (80—90-е годы XIX в.). Кишинев, 1963, с. 51—52.
- 83 См.: *Schapiro L.* Op. cit., p. 33—35; *Keep J.* Op. cit., p. 65; *Franckel J.* Economism: A heresy exploited. — *Slavic rev.*, 1963, vol. XXII, N 6, p. 284.
- 84 См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 199—200.
- 85 См.: *Ibid.*, p. 206.
- 86 См.: *Ibid.*, p. 200—201, 206—207.
- 87 См.: *Ascher A.* Op. cit., p. 126, 143, 158, 165—167; ср.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 186.
- 88 См.: *Ascher A.* Op. cit., p. 139—140.
- 89 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 20.
- 90 Это признают, в частности, и Барон и Рис. См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 209; *Rees W. J.* Op. cit., p. 117.
- 91 См., например: *Pipes R.* Social democracy and the St. Petersburg

labour movement, p. 74—75. В трактовке этих историков «легальный марксизм» — это просто выступление марксистских публицистов Плеханова, Ленина и... Струве в легальной русской печати 90-х годов XIX в.

⁹² См.: *Pipes R.* Struve: Liberal on the left, p. 236. При этом Пайпс старательно противопоставляет позиции Плеханова «особую нежность» Аксельрода по отношению к Струве.

⁹³ См.: *Marxism, communism and western society: A comparative encyclopedia.* N. Y., 1972, vol. I, p. 274.

⁹⁴ *Baron S. H.* Op. cit., p. 209.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 230.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 224.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 221, 239.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 243—244. Аналогичный подход можно проследить и у Френкеля (см.: *Vladimir Akimov...*, p. 47—48).

⁹⁹ См.: например: *Harding N.* Op. cit., p. 32.

¹⁰⁰ См.: *Keep J.* Op. cit., p. 26.

¹⁰¹ См.: *Baron S. H.* Op. cit., p. 112.

¹⁰² *Ibid.*, p. 124.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 135.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 135—136.

Содержание

Предисловие

3

П. Г. РЫНДЗЮНСКИЙ

Социально-экономические предпосылки
распространения марксизма в России
к началу 80-х годов XIX в.

11

Н. Н. НОВИКОВА

В. И. Ленин и группа «Освобождение труда»
(отношение к «наследству 60-х годов»)

42

В. А. ТВАРДОВСКАЯ

Г. В. Плеханов и «Народная воля».
(К проблеме кризиса народнического мировоззрения)

77

Б. С. ИТЕНБЕРГ

Группа «Освобождение труда» и П. Л. Лавров

109

Г. И. ЩЕТИНИНА

Усвоение марксизма студентами-революционерами
(1883—1886 гг.)

137

В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

Отношение членов группы «Освобождение труда»
к буржуазному либерализму

167

В. Я. ГРОСУЛ

Международные связи группы «Освобождение труда»
(80-е годы XIX в.)

196

С. В. ТЮТЮКИН

Группа «Освобождение труда»
в освещении современной англо-американской
и западногерманской историографии

224

Приложения

255

Указатель имен

263

3486